ВЕСТНИК
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

АПРЕЛЬ — ИЮЛЬ

1923 год

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

СОДЕРЖАНИЕ.

I-й отдел.—Статьи.

II-й отдел.—Стенограммы докладов, читаемых в Соц. Академии.

III-й отдел.—Библиография.

Рецензии.

IV-й отдел—Хроника.

Приложение.

Теория накопления Розы Люксембург.

Тов. Тальгеймер на IV Конгрессе Коминтерна в докладе о программе поставил ребром вопрос об отношении теоретиков Р. К. П. к теории накопления Розы Люксембург. «Критика, направленная в Германии и Австрии австро-марксистами против этой теории, по-моему, должна считаться опровергнутой, и те товарищи, которые отвергают эту теорию,—имеется целый ряд русских товарищей, отвергающих ее,—обязаны занять в этом вопросе определенную теоретическую позицию... Для меня важно, чтобы было положено начало теоретической дискуссии, представляющейся мне совершенно необходимой[1]).

С последним заявлением тов. Тальгеймера вряд ли можно не согласиться. Работы Розы Люксембург о накоплении капитала[2]), вызвавшие обширную и оживленную дискуссию среди немецких и австрийских марксистов,—в России систематически замалчивались [3]). А между тем, по заявлению Франца Меринга, этот труд Розы Люксембург подходит «ближе всего к прообразу (к «Капиталу» Маркса. *В. М.*) по обширности сведений, блеску языка, логической ясности исследования, независимости умственной работы, выходящей за пределы простого научного изучения вопроса... Резкие нападки, которым подвергалась эта книга со стороны так называемых марксистов австрийской школы (Ekstein, Hilferding и т. п.), служат блестящим про-

---

[1]) «Бюллетень IV Конгресса Коминтерна». № 14-15. стр. 17 и 20.

[2]) Роза Люксембург. «Накопление капитала». 1921 г. Ответ критикам дан в другой работе. «Накопление капитала, или что эпигоны сделали из теории Маркса». 1922 г.

[3]) Появление труда Розы Люксембург было отмечено лишь не-марксистом Туган-Барановским в 3-м издании его известной работы «Периодические промышленные кризисы».

явлением марксистского поповства» [1]). Хотя эта оценка Меринга, как мы увидим ниже,—слишком восторжена,—он не учитывает ряда серьезных ошибок Розы Люксембург,—тем не менее она доказывает, что работы Розы Люксембург заслуживают серьезного внимания.

Замалчивание этих работ в русской марксистской литературе является тем более странным, что они продолжают обсуждение круга проблем, который в девяностых годах усиленно дебатировался русскими марксистами в их спорах с народниками. Вместе с тем, эти работы значительно дополняют теоретическое освещение империализма, развитое в работах Ленина, Бухарина, Каменева..

Все это побуждает нас приветствовать инициативу тов. Ш. Дволайцкого—переводчика этих работ Р. Л.,—в постановке этих проблем на обсуждение. Тов. Дволайцкий, являясь противником теории накопления Розы Люксембург,—направляет свою критику против центрального пункта теории,—против ее утверждения, что в «чистом» капиталистическом хозяйстве невозможна реализация той части прибавочной стоимости, которая подлежит накоплению. Тов. Дволайцкий пытается доказать возможность накопления в «чистом» капиталистическом обществе, пытается вскрыть механизм реализации в таком обществе прибавочной стоимости. Статьи его заслуживают, ввиду этого, серьезного внимания. Разбор критических рассуждений и аргументов тов. Дволайцкого поможет нам, надеемся, выявить сильные и слабые стороны теории накопления Розы Люксембург.

Мы не станем излагать основных положений теории, ибо это сделано удачно тов. Дволайцким в его статьях [2]). Переходим непосредственно к рассмотрению его критических рассуждений и аргументов.

I.

Тов. Дволайцкий придает огромное значение тому обстоятельству, что Роза Люксембург в своих исследованиях

---

[1]) Франц Меринг. «Карл Маркс», Птр. 1920, стр. 434.

[2]) См. след. статьи: 1) Ш. Дволайцкий. «Накопление капитала и проблема империализма», «Красная Новь», 1921 г. № 1; 2) «К теории рынка»' «Вестник Соц. Академии», 1923 г. № 3.

абстрагировалась от роли кредита. «Именно абстрагирование от кредита привело Розу Люксембург к тому выводу, что реализация прибавочной ценности представляет собою в условиях чистого капитализма неразрешимую задачу»,— утверждает тов. Дволайцкий и пытается доказать, что кредит делает эту реализацию возможной и осуществимой. В первой статье он исходит в своих рассуждениях из анализа роли кредита рабочим, кредита потребительского; во второй—из анализа роли торгового,—оборотного кредита.

Допустим, говорит в первой статье тов. Дволайцкий, что жизненные потребности рабочего населения, в силу его естественного размножения, увеличились за неделю на 10.000 руб., и что рабочие, пользуясь недельным кредитом в мелочных лавках, купят дополнительно продуктов на эту сумму. Часть якобы не поддающейся реализации прибавочной стоимости будет, таким образом, реализована, и накопление окажется возможным. Расширение производства в одних отраслях вызовет по закону цепной связи волнообразное расширение в ряде других отраслей. Произойдет в связи с этим волнообразное увеличение во всех этих отраслях количества рабочих,—увеличение совокупного переменного капитала. Таким образом, сверх той, скажем, миллионой суммы, которою рабочие в целом располагали обычно в конце недели, они теперь имеют дополнительную сумму. Из этого прироста и будут черпаться ими средства для уплаты тех 10.000 р., на которые они кредитовались у торговцев. Таким образом, потребительский кредит делает возможным расширенное воспроизводство.

Во второй своей статье, напечатанной в № 3 «Вестника Соц. Академий», тов. Дволайцкий доказывает ту же мысль, анализируя торговый, оборотный кредит. При нормальном функционировании системы торгового кредита, фабрика сбывает свои товары в кредит оптовику, оптовик— в кредит розничному торговцу и т. д. С другой стороны, фабрика получает в кредит необходимые ей элементы производства. Сбыв в кредит оптовику ту часть товаров, которая представляет собою часть «m», подлежащую накоплению,—каждая фабрика, пользуясь в свою очередь кредитом или дисконтировав в банке векселя торговцев, может начать расширенное воспроизводство. Но расши-

рение производства в одних отраслях вызывает по закону цепной связи общее расширение производства, а значит, увеличение количества рабочих, т.-е. совокупной величины переменного капитала. Это увеличение покупательной способности рабочих масс сделает возможным реализацию торговцами тех товаров, которые они купили в кредит у фабрик. Продав товары, они уплатят фабрикантам суммы, на которые кредитовались, и, таким образом, фабриканты получат возможность расплатиться со своими кредиторами. Расширенное воспроизводство благополучно закончилось и может тем же способом начаться снова.

Центральным пунктом рассуждений т. Дволайцкого в обеих статьях является, очевидно, положение, что кредит создает возможность реализации прибавочной стоимости, ибо вызываемое им волнообразное расширение производства увеличивает совокупный переменный капитал, т.-е. покупательную способность масс.

Действительно ли, однако, кредит обладает такой магической способностью делать возможным накопление в «чистом» капиталистическом обществе? — Разберемся!

Тов. Дволайцкий в своих рассуждениях совершенно не учитывает роста технического состава капитала, роста нормы прибавочной стоимости и нормы накопления. Он исходит фактически из молчаливого предположения неизменного уровня техники и производительности труда, неизменной нормы прибавочной стоимости и неизменной нормы накопления.

Совершенно очевидно, что даже при неизменном уровне техники и производительности труда расширенное воспроизводство приводит к увеличению количества выбрасываемых на рынок товаров. Из самого понятия расширенного воспроизводства вытекает, что с каждым оборотом капитала количество производимых товаров увеличивается. Итак, расширенное воспроизводство даже при неизменной технике и производительности труда должно вызывать беспрерывный рост, после каждого оборота капитала, количества как средств производства, так и предметов потребления.

Допустимо ли, однако, при обсуждении проблемы накопления абстрагирование от роста технического состава капитала, — от роста нормы прибавочной стоимости, от роста нормы накопления?

Маркс во втором томе «Капитала» в рассуждениях и схемах, касающихся проблемы накопления, абстрагируется от всех этих реальных условий накопления. Этот прием применяется им, как мы это выясним ниже, для упрощения и облегчения задачи выявления *механизма* воспроизводства. В третьем томе, возвращаясь к проблеме накопления и анализируя реальный процесс накопления, Маркс учитывает все эти реальные условия, в которых он протекает. И поскольку тов. Дволайцкий вовлекает в анализ проблемы накопления роль кредита и переходит фактически к анализу реального процесса накопления, постольку он уже не может игнорировать указанных реальных условий накопления, ибо последние не в меньшей мере имманентны капитализму,—хотя бы и «чистому»[1]). Стремясь доказать, что осуществляемое при посредстве кредита расширение производства увеличивает количество рабочих и совокупную покупательную их способность, и превращая это положение в центральный пункт своей критики,— тов. Дволайцкий уже методологически и логически не вправе не учитывать влияния этих реальных условий накопления на величину переменного капитала. Хотя технический прогресс наталкивается при капитализме на ряд препятствий, замедляющих его,—тем не менее, рост технического состава капитала происходит неуклонно, замедляясь в одни периоды, ускоряясь в другие.

---

[1]) Оговариваемся: т. Дволайцкий указывает мимоходом, что в его задачу входит доказать лишь теоретическую *возможность* накопления в «чистом» капитализме. Но в том то и дело, что он все свои рассуждения и выводы применяет затем для решения вопроса о соотношении *реально* развивающейся капиталистической системы в соприкасающейся с нею некапиталистической среды. Таким образом, он переносит свои выводы на реально развивающуюся в некапиталистическом окружении капиталистическую систему и применяет их для решения проблемы рынка. Между тем, как мы докажем ниже, схемы и построения второго тома «Капитала», защищаемые т. Дволайцким, не могут быть непосредственно применяемы для решения вопроса об отношении развивающегося капитализма к некапиталистической среде и для решения проблемы рынка; ибо они верны лишь при их гипотетических, нереальных предпосылках. Кроме того, т. Дволайцкий вовлекает в анализ некоторые реальные условия (роль кредита, роль государства) накопления, абстрагируясь от других. Все это побуждает нас рассмотреть рассуждения и выводы т. Дволайцкого с учетом реальных условий накопления.

«В ходе накопления мы наблюдаем не только количественный и одновременный рост различных элементов капитала: развитие производительных сил общественного труда, приносимое этим движением, выражается также в качественных изменениях, в постепенных изменениях технического состава капитала. Объективный, вещественный фактор процесса труда увеличивается по сравнению с субъективным, личным фактором, т.-е. масса средств труда и сырых материалов увеличивается по сравнению с суммой применяемых им рабочих сил. *В той мере, как капитал делает труд более производительным, его спрос на труд уменьшается по сравнению с его величиной*». («Капитал», т. 1-й, стр. 638, изд. 1920 г. Курсив наш). Маркс подчеркивает здесь, что накопление сопровождается ростом технического состава капитала. И если т. Дволайцкий решительно утверждает, что основным источником ошибочных воззрений Розы Люксембург является абстрагирование от кредита, то мы с неменьшей решительностью утверждаем, что именно абстрагирование от роста технического состава капитала и роста нормы прибавочной стоимости и нормы накопления является главной причиной ошибочных представлений о магической силе кредита при *реальном* процессе капиталистического накопления.

И, действительно, ведь рост технического состава капитала означает, что расширение производства может произойти относительно с небольшим увеличением количества рабочих и переменного капитала, — может произойти за счет увеличения количества средств производства. С другой стороны, независимо от накопления, рост технического состава капитала проявляется *в прогрессирующей замене до того работавших рабочих машинами, в постоянном высвобождении до того занятых рабочих*. Как мог тов. Дволайцкий отвлечься от этого «всеобщего закона капиталистического накопления», рассматривая процесс накопления в реальных условиях? Абсолютного роста количества рабочих и величины переменного капитала может ведь при расширенном воспроизводстве иногда и не быть, или этот рост может происходить в небольших размерах по *сравнению с размером расширения воспроизводства*.

«Специфически капиталистический способ производства, соответствующее ему развитие производительной силы

труда, вызываемое им изменение органического состава капитала не только идут рука об руку с прогрессом накопления или с возрастанием общественного богатства,— *они идут несравненно быстрее, потому что простое накопление или абсолютное увеличение всего общественного капитала сопровождается централизацией его индивидуальных элементов, а технический переворот в добавочном капитале—техническим переворотом в первоначальном капитале*. С прогрессом накопления отношение постоянной к переменной части капитала изменяется таким образом, что если первоначально оно составляет 1 : 1, то потом оно превращается в 2 : 1, 3 : 1, 4 : 1, 5 : 1, 7 : 1, и т. д., так что по мере возрастания капитала в рабочую силу превращается не $^1/_2$ его общей стоимости, а прогрессивно лишь $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_5$, $^1/_6$, $^1/_8$ и т. д., в средства же производства—$^2/_3$, $^3/_4$, $^4/_5$, $^5/_6$, $^7/_8$ и т. д. Так как спрос на труд определяется не размером всего капитала, а размером его переменной составной части, то *он прогрессивно уменьшается по мере возрастания всего капитала вместо того, чтобы, как мы предполагали* раньше, увеличиваться пропорционально этому возрастанию. Он понижается относительно, по сравнению с величиной всего капитала, понижается в прогрессии, *ускоряющейся с возрастанием этой величины*. Хотя с возрастанием всего капитала увеличивается и его переменная составная часть или включаемая в его состав рабочая сила, но увеличивается она в *постоянно убывающей пропорции*. Промежутки, на протяжении которых накопление действует как простое расширение производства на данном техническом базисе, все сокращаются. Условием того, чтобы можно было поглотить определенное добавочное число рабочих, и *даже того*, чтобы, несмотря на постоянные метаморфозы старого капитала,—*уже функционирующие рабочие сохранили работу*,—условием этого становится ускоряющееся в растущей прогрессии накопление всего капитала. Мало того, это возрастающее накопление и централизация в свою очередь сами превращаются в источник нового изменения состава капитала или нового ускоренного уменьшения его переменной части по сравнению с постоянной». («Капитал», т. 1, стр. 646, изд. 1920 г. Курсив наш).

Но зато, с другой стороны, этот рост технического состава капитала, введение новых машин знаменует собою

рост производительности труда, рост количества товаров, выбрасываемых на рынок. Если расширенное воспроизводство при неизменной технике ведет к увеличению количества производимых товаров, то расширенное воспроизводство при растущем применении машин должно бесспорно вести к постоянному и прогрессирующему росту массы выбрасываемых на рынок товаров.

Происходит ли это расширяющееся увеличение массы товаров только за счет роста количества средств производства? Судя по критике т. Дволайцким теории накопления Туган-Барановского,—он, очевидно, не станет отрицать, что расти будет и количество средств потребления, что рост количества средств производства невозможен без роста количества предметов потребления [1]. Зависимость роста количества средств производства от количества предметов потребления четко формулирована Марксом в его утверждении, что «непрерывное обращение между постоянным капиталом и постоянным капиталом... в первое время независимо от личного потребления, в том смысле, что оно никогда в него не входит, но... в конечном счете ограничено личным потреблением, потому что *производство постоянного капитала никогда не совершается ради него самого, но совершается только потому, что его более потребляется в тех отраслях производства, продукты которых входят в личное потребление*» [2]. Эта же мысль неоднократно подчеркивается и развивается и Лениным в его работах, относящихся к девяностым годам. «Средства производства изготовляются не ради самих же средств производства, а лишь ради того, что все больше и больше средств производства требуется в отраслях промышленности, изготовляющих предметы потребления» [3]. Рост технического

---

[1]) Мы считаем этот вопрос центральным пунктом проблемы. Рассуждения и построения т. Дволайцкого были бы неуязвимы, если бы подразделение средств производства могло расти независимо от подразделения предметов потребления. Критикуя эту теорию Тугана, т. Дволайцкий облегчает нам критику его воззрений. Зависимость производства от потребления и ошибочность воззрений Тугана прекрасно выяснены Л. Исаевым. См. его «Кризисы в народном хозяйстве». 1913 г.

[2]) «Капитал», т. III, I ч. стр. 288. Изд. 1922 г. Курсив наш.

[3]) В. Ильин «Ответ г. П. Нежданову», «Жизнь» за 1899 г., № 12. Об этом же см. «Развитие капитализма в России». Стр. 16, 17, 18 и статью «Заметки к вопросу о теории рынков» в «Научн. Обозрении» за 1899 г. № 1. Эти статьи Ленина вошли в недавно вышедший II-й том сочинений.

состава капитала означает, что подразделение средств производства растет быстрее, чем подразделение предметов потребления. Но именно этот рост количества средств производства, отражаясь на уровне техники и производительности труда отраслей, изготовляющих предметы потребления,—ведет к неимоверному росту массы предметов потребления. «Развитие производительности общественного труда совершается таким путем, что все бо́льшая часть этого труда затрачивается на подготовительные операции производства средств производства; наоборот, все меньшая доля совокупного труда общества затрачивается на производство средств потребления, *и именно поэтому* (курсив Бухарина) неимоверно растет масса последних in natura, как потребительных ценностей» [1].

Таким образом, накопление капитала сопровождается двумя параллельными процессами: процессом прогресирующего вытеснения человека машиной и процессом прогрессирующего роста массы потребительных благ.

Кто же будет покупать эту все возрастающую массу предметов потребления, чтоб тем самым делать возможным накопление как в отраслях, производящих предметы потребления, так и в отраслях, изготовляющих средства производства?

Все рассуждения т. Двойлацкого покоятся на положении, что вызываемое кредитом расширение производства увеличивает совокупную величину переменного капитала, т.-е. покупательную способность населения, а это делает возможным благополучную расплату по всей цепи кредитных отношений. Можно ли, однако, в свете развитых нами положений утверждать, что это расширение производства, а значит, и количества товаров,—вызовет *соответственное же* увеличение переменного капитала? Совершенно очевидно, что если даже рост переменного капитала и будет происходить,—*то он будет все более и более отставать от величины накопления и от прогрессирующего роста массы товаров.*

Если при расширении производства, осуществляемом при помощи кредита рабочим, количество рабочих и сово-

---

[1]) Н. Бухарин: «Мировое хозяйство и империализм». 1923 г. Стр. 19 и 20.

купная величина переменного капитала возрастут, то ведь необходимо будет обратить часть этого капитала на уплату сумм, на которые рабочие кредитовались. По вычете этих сумм может оказаться, что совокупная покупательная способность по сравнению с предыдущим периодом оборота капитала либо осталась неизменной или даже уменьшилась, либо, в лучшем случае, возросла незначительно, между тем, как масса потребительных благ возросла гораздо более значительно. Таким образом вопрос о реализации части «m», подлежащей накоплению снова стоит во всей его остроте. Совершенно аналогичное явление мы будем иметь, если возьмем за основу анализа не кредит рабочим, а торговый, оборотный кредит. Количество товаров у фабрикантов возрастет, в то время как возросшая покупательная способность масс может оказаться недостаточной, чтоб потребить ту массу товаров, которая в порядке оборотного кредита была фабрикантами раньше продана торговцам. Если для решения проблемы реализации возросшей прибавочной стоимости снова сослаться на кредит, то совершенно ясно, что в конце следующего рабочего периода мы будем иметь то же противоречие на еще более расширенной основе. Оно будет обостряться еще тем обстоятельством, что по мере роста, с каждым периодом оборота капитала, массы прибавочной стоимости,—капиталисты смогут потребить все меньшую и меньшую ее часть и все бо́льшая ее часть должна будет подлежать накоплению, т.-е. норма накопления будет возрастать. В реальном капитализме капиталист вынужден увеличивать норму накопления под давлением конкуренции.

Если б капиталисты расширяли производство, опираясь на предлагаемые т. Дволайцким способы использования кредита, то скоро обнаружилось бы огромное перепроизводство, началась бы волна банкротств, которая привела бы к волнообразному сокращению производства ниже прежнего уровня. *Вообще, в реальном процессе накопления кредит может лишь отдалить выявление противоречия, но, воспроизводя его на расширенной основе, он расширяет и углубляет его и обостряет, тем самым, формы его последующего проявления.*

Итак, мы видим, что в «чистом» капитализме, взятом в реальных условиях развития, кредит вовсе не обладает

магической способностью, которую ему приписывает тов. Дволайцкий. Кредит расширяет рынок сбыта лишь в том размере, в котором последний *потенциально* уже имеется в наличии. Он устраняет препятствия к использованию *наличных* рынков сбыта, вытекающие из несоответствия моментов и величины потребности в элементах производства или предметах потребления и моментов наличия их на рынке—с моментами наличия соответственных средств для их покупки. Он делает возможным *выявление потенциально существующих рынков* и полное использование наличных рынков сбыта; он делает возможным развитие производительных сил там, где рынок сбыта имеется, но где отсутствуют капиталы, необходимые для производства. Противоречия между прогрессирующим ростом массы товаров и относительным сокращением покупательной способности масс—кредит в реально развивающемся капитализме устранить не мог бы. Наоборот, он воспроизводил бы его на расширенной основе.

II.

Все вышесказанное выявляет с очевидностью, что при предположении роста технического состава капитала, роста нормы прибавочной стоимости, роста нормы накопления и т. п., т.-е., если «чистый» капитализм анализируется не в гипотетических, нереальных, опытных условиях, а в условиях вполне реальных,—*бесконечный и прогрессирующий* процесс накопления оказывается в нем невозможным. Раньше или позже,—процесс накопления в «чистом» капитализме столкнулся бы с растущим противоречием между грандиозным ростом производства и все более и более отстающим от него потреблением. *Реальный «чистый» капитализм мог бы существовать лишь в условиях застойной техники, падающей низкой нормы накопления, частых и продолжительных кризисов и депрессий, прерываемых лишь краткими периодами оживления*. Отсюда следует, что чем больше будет капитализм приближаться к «чистому»,—тем ярче начнут в нем выступать черты застойности.

Все построения и рассуждения Маркса во втором томе «Капитала» неразрывно связаны с тем, что Маркс гипотетический «чистый» капитализм абстрагирует от реальных

условий его развития. Он анализирует простое и расширенное воспроизводство в условиях неизменной техники и производительности труда, — неизменной нормы прибавочной стоимости, — невозрастающей (хотя и колеблящейся) нормы накопления, — благоприятного для анализа состава капитала. Вопреки мнению Розы Люксембург, воспроизводство в таких гипотетических, нереальных и искусственных условиях — теоретически мыслимо. Какую цель преследуют, однако, построения Маркса во втором томе «Капитала»? Можно ли делать из них вывод о возможности действительного реального, развития «чистого» капитализма? Мы утверждаем, что это значило бы исказить смысл и назначение построений второго тома, обнаружить непонимание методологии Маркса и его системы в целом. *Маркс ни в какой мере не занимается во втором томе вопросом о возможности бесконечного и прогрессирующего накопления в «чистом» капитализме*: Смысл и назначение построений второго тома — в изучении *механизма* воспроизводства общественного капитала. Для *упрощения и облегчения* этой задачи Маркс берет гипотетический «чистый» капитализм; с этой же целью он абстрагирует его от всех реальных процессов, сопровождающих накопление. Маркс сам подчеркивает это во второй части «Теорий прибавочной стоимости», в главах, посвященных проблеме накопления. «Мы рассмотрим здесь только различные формы, которые принимает капитал в своем дальнейшем развитии. Следовательно, реальные отношения, в пределах которых происходит действительный процесс производства, не развиваются. Все время предполагается, что товары продаются по их ценности. Конкуренция капиталов не рассматривается, равно как не рассматриваются ни кредит, ни действительное строение общества, которое отнюдь не состоит только из класса промышленных капиталистов, и в котором, следовательно, потребители и производители не тождественны [1]).

Марксу необходимо было выявить ошибочность воззрений А. Смита и Рикардо, полагавших, что накопление капитала есть превращение дохода в заработную плату. Выявив механизм воспроизводства в упрощенных, опытных условиях, предполагающих возможность реализации

[1]) См.: К. Маркс. «Накопление капитала и кризисы» из «Théorien über den Mehrwert». Перевод С. А. Бессопова, Москва, 1923.

данною,—Маркс подготовил, тем самым, постановку проблемы реализации [1]).

Если бы Маркс продолжил разработку проблемы во II-м томе, то вслед за этими схемами последовало бы несомненно исследование реального капитализма и выяснение действительных условий расширенного воспроизводства. И соответственные места в 1-м и 3-м томах дают основание для утверждений, что Маркс разработал бы свое учение о глубоком противоречии между расширением производства и сокращением потребительного рынка, из которого вытекает с совершенной бесспорностью *невозможность длительного прогрессирующего накопления в «чистом» капитализме без некапиталистической среды*. Мы не станем приводить многих замечательных мест VII отдела 1-го тома «Капитала» и ограничимся лишь одной убедительной цитатой из 3-го тома.

«Условия непосредственной эксплоатации и условия ее реализации не тождественны. Они не совпадают не только по месту и времени, но и в понятии. Первые ограничены только производительной силой общества, вторые—пропорциональностью различных отраслей производства *и потребительной силой общества*. Но эта последняя определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной способностью, а потребительной способностью на основе антагонистических отношений распределения, которые сводят потребления огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся *лишь в более или менее узких границах. Она ограничена, далее, стремлением к накоплению, стремлением к увеличению капитала и к произ-*

---

[1]) Все это понимает и подчеркивает А. Финн-Енотаевский в его работе «Современное хозяйство России». «Во II-м томе «Капитала» Маркс дал анализ процесса воспроизводства лишь о чисто *формальной* стороны, т.-е. предполагая, что все условия необходимые для реализации... соответственно наперед даны... Он и не мог дать во II-м томе теории рынков, потому что для этого ему нужно было бы раньше исследовать так называемое «общественное потребление», которое регулирует принцип спроса.. А это могло быть исследовано только в III-м томе. Задача, которую Маркс поставил себе прежде всего в третьем отделе II го тома, была: показать каким образом происходит реализация постоянного капитала, его возмещение и расширение... Во всем II-м томе рассматриваются лишь *формы*, которые проходят капитал на различных стадиях своего развития». (Стр. 14).

водству прибавочной стоимости в расширяющемся масштабе. Таков закон капиталистического производства, диктуемый *постоянными революциями в самых методах производства*, обесценением имеющегося капитала, постоянно сопровождающим такие перевороты, всеобщей конкурентной борьбой, *необходимостью совершенствовать производство* и сохранять его масштаб ради одного только сохранения и под угрозой гибели. *Поэтому рынок должен постоянно расширяться*, так что взаимозависимость рыночных отношений и определяющие ее условия все более принимают характер независимого от производителей естественного закона, все более ускользают от контроля. *Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства. Но чем более развивается производительная сила, тем более вступает она в противоречие с тем узким базисом, на котором покоится потребление*». («Капитал», т. III, ч. I, стр. 225, изд. 1922 г. Курсив наш).

Цитата эта доказывает с полной очевидностью, что Маркс не считал возможным *бесконечное и прогрессирующее* накопление в «чистом» капитализме, что длительный и прогрессирующий реальный процесс накопления он считал возможным лишь при наличии внекапиталистических рынков и потребителей. На это он прямо указывает в заключительных строках цитаты. При чем, цитата эта не является в 3-м томе изолированной. Вся пятнадцатая глава («Развитие внутренних противоречий закона») изобилует не менее яркими и убедительными заявлениями и рассуждениями. Но вместе с тем, все эти цитаты не противоречат II-му тому, ибо Маркс исходит в 1-м (VII отдел: «Процесс капиталистического накопления») и в 3-м томах не из гипотетических, нереальных условий накопления,—он учитывает сопровождающие реальный процесс накопления рост технического состава капитала и производительности труда, рост нормы прибавочной стоимости и нормы накопления и т. д.

Таким образом, положительная часть теории накопления Розы Люксембург, заключающаяся в установлении невозможности прогрессирующего реального накопления в «чистом» капитализме и необходимости некапиталистической среды для того, чтобы такое реальное накопление совершалось,—эта часть является, с нашей точки зрения, прямым

продолжением и развитием учений Маркса. Эта положительная часть ее теории ослабляется, однако, тем обстоятельством, что Роза Люксембург исходит из представлений об абсолютно тесной и непосредственной зависимости каждого этапа роста производства от роста некапиталистической среды. В ее изложении получается, что на основе данной величины потребления возможны лишь небольшие волны расширения производства, — что поэтому даже краткие периоды расширенного воспроизводства невозможны без постоянного соответственного расширения некапиталистических рынков. Розе Люксембург был, очевидно, недостаточно ясен закон цепной связи отраслей производства и его значение для рынка. Между тем, каждая отрасль производства является рынком для других. Поэтому на основе данной величины потребления возможно волнообразное расширение производства; даже относительно — небольшое расширение потребительского рынка может оказаться достаточным для нового волнообразного роста производства. В процессе этого волнообразного расширения, по причинам очерченным нами выше, *развивается и противоречие между производством и потреблением*. Но благодаря значению цепной связи для рынка, — это противоречие обнаруживается в результате более длительных периодов развития. Правильно определив *принципиальное* значение некапиталистической среды для прогрессирующего роста накопления, Роза Люксембург преувеличила хронологическую, так сказать, зависимость каждого этапа роста производства от роста некапиталистических рынков.

Положительная часть ее теории накопления, кроме того, ослабляется тем обстоятельством, что она пытается также доказать невозможность накопления даже в тех гипотетических, нереальных, опытных условиях, которые предполагаются схемами и построениями Маркса во 2-м томе. В этой части аргументация Розы Люксембург неубедительна. *При неизменности всех прочих условий расширенное воспроизводство должно равномерно увеличивать постоянный капитал, переменный капитал и массу прибавочной стоимости. При неизменной же норме накопления и норме прибавочной стоимости это должно увеличивать потребление рабочих и капиталистов. Между тем, при неизменной производительности труда масса продуктов возрастает также равномерно.*

Все это делает теоретически мыслимым накопление в условиях, предполагаемых схемам 2-го тома.

Чувствуя, очевидно, слабую убедительность аргументов о невозможности накопления даже в условиях предполагаемых схемами Маркса, Роза Люксембург спешит перейти к критике схем в реальных условиях накопления. Усложняя эти схемы рядом моментов, приближающих накопление в «чистом» капитализме к реальным условиям, Роза Люксембург пытается доказать, что тогда схемы и построения Маркса оказываются неверными [1]). Совершенно верно! Но в том-то и дело, что Маркс сознательно абстрагирует свои схемы и построения от реальных условий накопления *для того*, чтобы тем явственнее выступил *механизм* расширенного воспроизводства в его *натурально-вещественных элементах*. И лишь это абстрагирование сделало возможным выявление сложного механизма воспроизводства [2]).

И если бы тов. Дволайцкий ограничился в своих статьях критикой этих ошибок и крайностей теории Розы Люксембург, мы не имели бы оснований для дискуссии с ним. Поскольку же т. Дволайцкий оспаривает в целом теорию

---

[1]) Следует, однако, отметить, что к подобному анализу схем Роза Люксембург вынуждена была прибегнуть, чтобы опровергнуть их использование «эпигонами» для доказательства возможности реального накопления в «чистом» капитализме.

[2]) Лишь непониманием этого можно объяснить критику Розою Люкс. рассуждений Маркса о деньгах при воспроизводстве. Она упрекает Маркса в том, что он исследует вопрос об источнике денег, вместо того, чтоб ставить вопрос о покупателях части «m», не поддающейся реализации. Она думает, что второй вопрос маскируется у Маркса первым. Между тем во II-м томе Маркс не занимается вторым вопросом, ибо при предпосылках его схем проблема реализации отсутствует. Маркс исследует механизм процесса воспроизводства. Естественно, что он должен был уделить внимание вопросу об источниках, о воспроизводстве денег. Тот факт, что Маркс «пришел, в конце концов, к золотопромышленнику» объясняется весьма просто: в «чистом» капитализме золото, необходимое для выполнения денег,— воспроизводится золотопромышленниками.

Не менее ошибочной является критика Розою Люксембург схем Маркса и том отношении, что размер накопления определяет исключительно подразделение I-е, II-е же только следует этому движению. В действительности, в схемах имеет место не одностороняя зависимость, а взаимозависимость обоих подразделений. С равным правом можно утверждать, что II-е определяет I-е. Эта взаимозависимость есть выражение пропорциональности.

накопления Розы Люксембург и фактически доказывает возможность *бесконечного* и прогрессирующего реального процесса накопления в «чистом» капитализме, мы считаем его воззрения ошибочными. Следует ведь помнить, что проблема обсуждается с целью выяснить условия накопления в реальном капитализме, и всякая неясность приведет к неправильному пониманию проблемы циклов, кризисов, империализма. Можно абстрагировать капитализм от некапиталистической среды, но нельзя абстрагировать процесс накопления от реальных его условий, если хотят познать его законы.

В своей первой статье, напечатанной в «Красной Нови» и в предисловии к русскому переводу «Накопления Капитала» тов. Дволайцкий свою критику обосновывал не только ролью кредита, но и ролью государства в накоплении. Государство, настаивал тов. Дволайцкий, является вторым могучим фактором, способствующим накоплению в «чистом» капитализме. Оно берет на себя выполнение ряда функций производственного характера: прокладывает железные дороги, роет каналы, строит гавани, орошает безводные пространства и т. п. Средства для этого государство получает от налогов,—«которые составляются, главным образом, из прибавочной стоимости. Таким образом, капитализм в лице государства приобретает весьма крупного «потребителя», который присваивает себе часть общественного продукта и тем самым освобождает капиталистов от неприятных поисков за покупателями, хоть некоторой части не поддающейся сбыту прибавочной стоимости».

Стоит, однако, вдуматься в смысл подобного явления, чтоб стало до очевидности ясным, что оно не подтверждает возможности реального *капиталистического* накопления в «чистом» капитализме. И, действительно, раз мы имеем дело с «чистым» капитализмом, то государство может черпать свои средства почти только от налогов на капиталистов. Таким образом, государство принимает у них часть прибавочной стоимости. Это вызовет сокращение потребления капиталистов и уменьшение накопления. Но, быть может, волнообразный спрос, вызываемый производительной деятельностью государства, расширит рынок и облегчит реализацию и накопление остальной части «m»? Если это и произойдет, то не следует забывать, что, с другой стороны, эта деятельность государства сократит

рынок для капиталистической промышленности, ибо государство, занимаясь производительной деятельностью, берет на себя удовлетворение потребностей населения. Вместе с тем, производительная деятельность государства вызовет рост товарной массы и усилит противоречие между количеством товаров и покупательной способностью масс. И если такая деятельность государства кажется тов. Дволайцкому необходимой, чтобы сделать возможным существование реального «чистого» капитализма, то это подтверждает лишь невозможность в нем *капиталистического* накопления, т.-е. вопреки намерению т. Дволайцкого, — доказывает невозможность бесконечного развития «чистого» капитализма. Мы увидим, однако, ниже, что соображения т. Дволайцкого верны, в применении к непроизводительной деятельности государства,—к милитаризму.

III.

Наша точка зрения на роль некапиталистических рынков, свободная от ошибок и крайностей Розы Люксембург, совпадает с точкой зрения К. Каутского, формулированной им в «Теориях кризисов», и близка к позиции А. Финн-Енотаевского, развитой им в первых главах «Современного хозяйства в России». Она совпадает вместе с тем с точкой зрения Парвуса, формулированной последним в «Handelskrisis und gewerkschaften».

«С ростом богатства капиталистов»,—писал Каутский в 1902 г. в «Теориях кризисов»,—«и с увеличением численности рабочих рынок все более расширяется, но так как это расширение рынка совершается медленнее, чем накопление капитала и рост производительности труда, то спрос со стороны капиталистов и эксплоатируемых ими рабочих оказывается недостаточным для поглощения средств потребления, создаваемых крупной капиталистической промышленностью. Последняя должна искать добавочного рынка за пределами капитализма — в отраслях и странах, не производящих еще капиталистически. Она находит этот рынок и расширяет его все больше и больше, но все же не в достаточной мере, ибо этот добавочный рынок далеко не обладает той эластичностью и способностью к расширению, какою отличается капиталистиче-

ский способ производства... Таким образом, всякая эпоха процветания, которою сопровождается всякое значительное расширение рынка, уже заранее осуждена на недолговечность, и кризис является ее естественным завершением». (Стр. 36—37 русск. перевода 1923 г.).

Противники теории накопления Розы Люксембург изображают ее часто таким образом, будто некапиталистическая среда понимается ею как рынок сбыта предметов потребления. При такой интерпретации нетрудно доказать, что некапиталистическая среда далеко не всегда может быть рынком сбыта и что, вообще, роль ее в облегчении накопления весьма ограничена. Подобное изложение роли некапиталистических рынков облегчает критику теории. Тем важнее для нас подчеркнуть абсолютную неверность этой интрепретации. В 26-й главе «Накопления» Роза Люксембург обстоятельно выясняет, что некапиталистическая среда может играть роль не только как рынок сбыта предметов потребления, но и как рынок сбыта средств производства. В главе 30-й выясняется, что некапиталистические страны и районы использовываются, прежде всего, для железно-дорожного строительства. Широкое железно-дорожное строительство возможно и необходимо в них как для развития товарного хозяйства, так и для развития их производительных сил. Это использование некапиталистических стран и районов в первую очередь для жел.-дор. строительства превращает их в рынок сбыта товаров металлургии и вызывает, тем самым, в соответствующих капиталистических странах волнообразное расширение производства. Вместе с тем, проведение жел. дорог развивает в этих странах товарно-денежное хозяйство и превращает их в результате и в рынок сбыта предметов потребления, сельско-хоз. машин и т. п. Как это прекрасно выяснено Розою Люксембург,—постройка железных дорог при посредстве займов и путем гарантии доходности — является также способом выжимания средств у некапиталических производителей. Таким образом некапиталистическая среда облегчает накопление капиталов, как база для доходных в перспективе огромных сооружений (железных дорог, каналов и т. п.) и как рынок сбыта предметов потребления и средств производства.

С другой стороны, из защищаемой нами в статье теории накопления вытекает роль милитаризма в расширении сбыта. В главе 32-й Роза Люксембург выясняет обстоятельно роль милитаризма, как поприща капиталистического накопления. Милитаризм, как мы это выясним в конце нашей статьи,—создает в росте вооружений новый потребительский рынок, облегчающий накопление. И поскольку борьба за некапиталистические страны питает милитаризм, постольку она и в самом милитаризме создает новый потребительский рынок.

Верность нашей интерпретации и критики воззрений т. Дволайцкого, нашего анализа проблемы накопления и нашей оценки положительных сторон теории накопления Розы Люксембург—должна быть проверена теперь на анализе промышленных циклов и кризисов. Если защищаемая нами точка зрения на реальный процесс накопления верна, то это должно подтвердиться и на анализе кривой капиталистического развития, ибо теория накопления должна служить основой для теории промышленных циклов и торгово-промышленных кризисов. Тот факт, что Роза Люксембург при анализе проблемы воспроизводства отвлеклась от кризисов и от смены конъюнктур и исходила из «средней величины воспроизводства»,—не означает, однако, взаимной независимости этих проблем. Роза Люксембург правильно отмечает в «Антикритике» связь теории промышленных циклов и промышленных кризисов с теорией накопления. К сожалению, механизм этой связи совершенно не разработан ею. Проблема слишком обширна, чтобы мы могли ее развить в пределах данной статьи. *Нам придется ограничиться лишь выяснением основных линий этой связи.*

В первую очередь мы переходим к проблеме закономерности так называемых больших циклов. Если среди марксистов имеются лица, отрицающие закономерность больших циклов [1]), то это можно приписать лишь недоста-

---

1) На закономерность больших циклов указывал ряд авторов (К. Каутский—в «Теориях кризисов», Парвус—в «Handelskrisis und gewerkschaften» и др.). Последнее время наличие такой закономерности подчеркнуто было проф. Кондратьевым в V отделе его книги «Мировое хозяйство». Тов. Н. Осинский в статье о мировом хозяйстве («Мировое хозяйство в оценке наших экономистов», «Красная Новь»; 1923 г., № 2) иронически отзывается об этой теории, не дав себе труда привести хотя бы какие-нибудь факты и

точно вдумчивому анализу ими кривой капиталистического развития на протяжении XIX века. Достаточно сопоставить по малым циклам индексы цен, средний уровень дисконта, данные об учредительстве, кривую движения металлической наличности банков и выработки железа и прочие показатели конъюнктуры,—достаточно сопоставить периоды подъема с периодами депрессий, чтобы стало совершенно очевидным, что на протяжении XIX и XX веков мы имеем следующую закономерность больших циклов: вторая четверть XIX столетия является в общем и целом эпохой депрессии; пятидесятые и шестидесятые годы (до 1873 г.)—эпохой подъема; семидесятые, восмидесятые и часть девяностых—эпохой депрессий; с половины девяностых снова начинается эпоха подъема, продолжающаяся до войны. Мы видим, таким образом, что эпохи подъема и эпохи депрессий чередуются, образуя большие циклы. Развивающиеся в пределах каждой части большого цикла, малые циклы не нарушают существенно общего характера каждой части большого цикла.

Чем объясняется эта странная закономерность в развитии капитализма? Не приходится сомневаться, что эта закономерность—равнодействующая целого ряда условий и факторов. Но, вместе с тем, мы полагаем, что решающую роль играет закономерность втягивания капитализмом в его орбиту и использования им некапиталистических рынков. В данной статье мы постараемся иллюстрировать это на примере самой передовой в XIX веке в капиталистическом отношении страны—Англии. При этом мы будем ссылаться на исследователя, которого вряд ли можно заподозрить в сочувствии идеям Розы Люксембург,—на Туган-Барановского.

Чем объясняется депрессия второй четверти XIX века?—Предоставим слово Туган-Барановскому. «Развитие фабричного производства чрезвычайно повысило производительную силу английской промышленности. Количество

соображения против нее. Между тем, совершенно несомненно, что научение этой закономерности имеет огромное значение для установления общей закономерности и общей тенденции развития капитализма. Это было правильно отмечено т. Троцким в его докладе на IV Конгрессе Коминтерна. Проблеме больших циклов мы надеемся посвятить особую работу, где осветим ее на основе подбираемых нами статистических данных и где попытаемся разработать ее теоретически.

продуктов, изготовляемых в Англии, увеличилось в несколько раз, а между тем рынок для сбыта английских продуктов вне расширялся. Внутренний рынок Англии сократился следствие обеднения массы английского населения, а на внешнем рынке английская торговля встречала непреодолимые препятствия в виде запретительных или строгоохранительных тарифов. Большая часть английского вывоза должна была направляться в некультурные или мало-культурные страны Старого и Нового Света... Таким образом, спрос на английские товары внутри страны и за границей возрастал очень медленно... На внутреннем рынке... спрос на бумажные ткани не возрастал, а сокращался [1])...

Этот период был в Англии периодом сильного роста производства. Казалось бы, что согласно утверждения тов. Дволайцкого, должно было расти и потребление масс. Оказывается, однако, что потребление не только не росло, но сокращалось, и не только на ткани, но и на предметы питания, например,—как это отмечается Туганом,—на сахар. Чем же это объясняется? Тем, что этот период был периодом мощного прогресса техники, и развитие совершалось, главным образом, за счет постоянного капитала, а не переменного. Почему же оно могло, однако, происходить?—Потому что, с одной стороны, имелся рынок для средств производства, и происходил усиленный рост подразделения средств производства, и, с другой стороны, для возрастающей массы товаров все же открывались новые рынки. Но недостаток этих рынков приводил к тому, что «развитие шло путем продолжительных тяжелых кризисов» [2]).

Чем объясняется подъем пятидесятых и шестидесятых годов?

Туган-Барановский резюмирует следующим образом причины подъема.

«Переход Англии и, в меньшей степени, остальной Европы от системы протекционизма, стеснявшего международную торговлю, к системе свободной торговли и постройка железных дорог, уменьшившая во много раз стоимость сухопутной перевозки товаров, чрезвычайно расширили рынок для сбыта английских произведений. Но действие

---

[1]) Туган-Барановский. «Периодические промышленные кризисы», 3-е изд., стр. 24—25.

[2]) Там же, стр. 27.

этих двух факторов еще было усилено открытием необыкновенно богатых золотых россыпей в Калифорнии и Австралии... Значение этих открытий для английской торговли заключалось прежде всего в том, что спрос на английские товары в Калифорнии и Австралии быстро увеличились в несколько раз» [1])...

Таким образом, подъем объясняется расширением рынков сбыта: открытием новых рынков и более интинсивным использованием старых (Ост-Индия), благодаря постройке железных дорог, развитию сухопутных и морских сообщений.

Каковы причины депрессии семидесятых, восьмидесятых и части девяностых годов?

Что касается Англии, то Туган-Барановский причины находит опять-таки в условиях рынка. «Промышленность энергично развивалась в тех странах, которые Англия привыкла считать как бы своим наследственным рынком.

Северная Америка... быстро подвигалась вперед по пути к освобождению своего внутреннего рынка от иностранных фабрикантов. Английские колонии, как Канада и Австралия, успешно развивали при помощи покровительственных пошлин свою собственную промышленность. Страны Дальнего Востока, поглощавшие главную массу английских хлопчато-бумажных тканей и пряжи, стали с конца 70-х годов заводить собственные фабрики; бумаготкацкие и бумаго-прядильные фабрики Бомбея не только явились серьезным конкурентом Ланкшира на индийском рынке, но мало-по-малу захватили и некотрые иностранные рынки, которые раньше были в монопольном владении Англии. Так, вывоз бумажной пряжи из Англии в Японию и Китай почти не возрастал с половины 70-х годов, из Индии же увеличился уже настолько сильно, что английская пряжа стала составлять только ничтожную долю иностранной пряжи на этих рынках. Индийская пряжа почти целиком захватила японский и китайский рынок. С конца 70-х годов повсюду начинается поворот в сторону протекционизма» [2])...

Далее, Туган-Барановский отмечает мощный расцвет капитализма в Западной Европе, и в особенности — в

---

[1]) Там же, стр. 90.

[2]) Там же, стр. 133.

Германии, и усиление, в связи с этим, конкуренции на мировом рынке.

Разве эти вынужденные признания Туган-Барановского не являются ярким подтверждением защищаемой нами теории накопления? Ведь Туган объясняет депрессию сокращением некапиталистической среды! Больше того, он доказывает, что развитие капитализма в Индии вызвало вывоз из нее товаров, т.-е. создало и в ней потребность в рынках.

Депрессия этой эпохи вызывает у всех капиталистических государств усиленное стремление к захвату новых колоний. Последняя четверть прошлого века является периодом окончательного дележа земного шара, захвата и подчинения колоний. Вместе с тем, депрессия вызывает усиленное приложение капиталов в колониях в железнодорожном строительстве. Параллельно идет процесс разложения как методами экономическими, так и методами внеэкономическими — натурального строя в колониях и остатков этого строя в метрополиях и создания товарного и денежного хозяйства. Все это вызывает новое расширение мирового рынка и создает возможность нового подъема в начале XX века.

Таким образом, мы видим, что закономерность больших циклов может быть познана лишь на основе защищаемой нами теории накопления. Чем объясняется правильное чередование эпох подъема и эпох депрессий? *Очевидно, он объясняется тем, что присоединение, подготовка и использование новых рынков является процессом закономерным*. Присоединение и использование нового рынка наталкивается на ряд препятствий: необходимо этот рынок политически приобрести и подчинить, необходимо в нем разложить натуральное хозяйство, создать товарно денежное хозяйство, необходимо, далее, построить железные дороги, чтобы суметь этот рынок использовать [1]. Эпохи депрессий

[1] Для нас важно подчеркнуть, что периоды усиленного железнодорожного строительства совпадают скорее с эпохами депрессии, нежели с эпохами подъема. Рекомендуем читателям проверить это наше утверждение путем анализа таблиц расширения мировой жел.-дор. сети. См. проф. К. А. Оппенгейм: «Общие сведения о жел. дорогах», Гос. Тех. Изд. 1922 г. таблицы на стр. 95 и 97. Все наши соображения применимы как к географически-внешним, так и к географически-внутренним некапит. рынкам.

являются преимущественно эпохами подготовки рынков, эпохи подъема—преимущественно эпохами интенсивного использования их. И тот факт, что Туган-Барановский, вопреки своей теории рынка, вынужден объяснять чередование эпох подъема и эпох депрессий отношением капиталистического производства к внекапиталистическому рынку,— свидетельствует о том, что при историческом анализе кривой капиталистического развития эта зависимость столь очевидна, что ее игнорировать невозможно.

Переходим к вопросу о малых промышленных циклах и торгово-промышленных кризисах [1]).

Тов. Двойлацкий полагает, что признание теории Розы Люксембург ведет к отрицанию всякой закономерности в колебании конъюнктур, ибо, по ее теории, для чередования циклов необходимо периодическое вовлечение новых рынков. Таким образом, чередование циклов ставится в связь со случайным явлением. Маркс, между тем, выводил периодичность кризисов из способа оборота и воспроизводства основного капитала и нигде не делал попыток объяснять периодичность кризисов открытием и использованием новых рынков.

Действительно ли Маркс считал возможным абстрагировать теорию кризисов от проблемы рынка? Действительно ли он выводил их *только* из характера оборота и воспроизводства основного капитала? — Мы могли бы привести много цитат, опровергающих это. Но вряд ли это необходимо. Достаточно прочитать приведенную нами цитату из 3-го тома о противоречии эксплоатации и условий ее реализации, о неминуемых столкновениях растущих производительных сил с узким базисом, на котором покоится потребление, о необходимости постоянного расширения рынка,—чтобы стало очевидным, что периодичность кризисов Маркс ставит в самую тесную связь с расширением и использованием рынков. Приведем лишь одну краткую, но убедительную цитату. «Последней причиной всех действительных кризисов остается все же бедность и

[1]) Считаем необходимым отметить, что мы ограничиваемся лишь выяснением вопроса о связи малых циклов и кризисов с проблемой накопления и рынка, что проблема циклов и кризисов в целом нами в данной статье не ставится. Зависимости их от ряда других условий мы сознательно не касаемся.

ограниченность потребления масс по сравнению с тенденцией капиталистическаго производства развивать производительные силы с такой интенсивностью, как будто их границей является лишь абсолютная потребительная способность общества». (Капитал», т. III, ч. II, стр. 22, изд. 1923 г.)

Тов. Дволайцкий вынужден отметить, что Маркс «подчеркивал, что рост платежеспособного спроса, в силу антагонистическаго характера распределения, имеет тенденцию отставать от производства, и что *эта тенденция в определенные моменты прорывается наружу с колоссальной силой*». (Курсив наш.) В какие именно моменты? Почему тов. Дволайцкий не выражается яснее? Не в момент ли кризисов?!. *Ведь это значит, что закономерность и периодичность кризисов вытекает не только из характера оборота и воспроизводства основного капитала, но и из того, что этот оборот и это воспроизводство основного капитала совершаются на основе закономерного вовлечения и использования рынков*. Выше мы указывали на факт чередования эпох подъема и депрессии и установили их связь с вовлечением и использованием некапиталистических рынков. Но ведь характер каждой такой эпохи определяет характер составляющих ее малых циклов и происходящих на ее протяжении кризисов. В эпохи депрессии периоды подъема малых циклов бывают непродолжительными, периоды депрессии — длительными, кризисы — затяжными и опустошительными. В эпохи подъема — наоборот. Таким образом, отношение к некапиталистическим рынкам (хотя бы и внутри страны) определяет характер циклов и кризисов. Больше того—каждый период подъема малого цикла часто связан с расширением рынка. В период депрессии малого цикла капиталисты усиленно ищут рынки и подготовляют их использование. Тем самым создаются предпосылки для периода подъема малаго цикла. Закономерность характера оборота и воспроизводства основного капатала и закономерность вовлечения и использования рынков переплетаются и опираются друг на друга. Если отвлечься от рынков сбыта, то оборот и воспроизводство основного капитала вовсе не должны вызывать кризисы. Они вызывают их, лишь поскольку наталкиваются на ограниченность рынка. Что очерченное

нами понимание зависимости малых циклов и кризисов от некапиталистических рынков не является произвольным и необоснованным, можно доказать ссылками на историю малых циклов и кризисов. Наиболее правильную периодичность кризисов мы имеем во второй четверти XIX века в Англии (1825, 1836, 1847, 1857 г.г.). Казалось бы, что их никак нельзя ставить в связь с таким «случайным» явлением, как использование новых рынков. Оказывается, однако, что каждый период подъема малого цикла неразрывно связан с использованием нового рынка, а кризис—с исчерпыванием этого рынка и с чрезмерным производством на его основе, с перепроизводством по сравнению с ним. Мы будем ссылаться на того же автора—Туган-Барановскаго, ибо его выводы тем показательней, что противоречат его теории рынка. Подъем 1823—1825 г.г., предшествующий кризису 1825 г., неразвывно связан с открытием нового рынка для капиталов и товаров в Южной и Центральной Америке [1]), а кризис — с чрезмерным развитием производства в процессе использования этого рынка. Подъем 1833 — 1835 г.г. неразрывно связан с использованием рынка в Соединенных Штатах и с расширением внутреннего рынка в связи с постройкой железных дорог. Кризис—с перепроизводством по сравнению с величиной рынка [2]). Подъем 1843—1846 г.г. неразрывно связан с использованием нового рынка в Китае. Кризис 1847 г.—с неурожаями и перепроизводством [3]). Подъем пятидесятых годов и кризис 1857 г. неразрывно связаны с использованием новых рынков для экспорта капиталов и товаров в Австралии, Калифорнии, Америке [4]).

Мы могли бы, таким образом, доказать, что весьма часто периоды подъема даже малых циклов неразрывно связаны с использованием новых внешних или внутренних некапиталистических рынков. Даже в тех случаях, когда подъем создается железно-дорожным строительством и расширением основного капитала без открытия новых рынков, — это может происходить лишь потому, что расширение потребительского рынка, имевшее место в предыдущих циклах,

---

[1]) Туган-Барановский. Там же, стр. 35.
[2]) Там же, стр. 52—57.
[3]) Там же, стр. 69—86.
[4]) Там же, стр. 115.

создало предпосылку для роста подразделений средств производства и средств передвижения. Таким образом, и здесь подъем опирается на то расширение потребительского рынка, которое подготовило рост подразделения средств производства [1]). Мы не станем продолжать наших экскурсов в область истории циклов и кризисов и отсылаем читателя к историческим частям работ Туган-Барановского, Лескюра [2]), Вирта [3]).

Итак, анализ проблемы больших и малых циклов и проблемы кризисов подтверждает ту теорию накопления, которая защищается нами в статье и которая развита Розой Люксембург в положительной части ее работ.

IV.

Огромное значение теории накопления для выяснения корней и природы империализма и милитаризма и для суждений о перспективах капиталистического развития— совершенно очевидно. Если верна защищаемая нами теория накопления, то стремление к увеличению некапиталистической питательной среды, капиталистическая экспансия— оказывается абсолютно имманентным капитализму, органически связанным с его природой. Эта потребность в некапиталистической среде должна тогда нарастать по мере развития капитализма и вызывать усиление капиталистической экспансии. Империализм оказывается связанным органически с природой капитализма. Значит ли это, что империализм нельзя тогда рассматривать как особый этап капитализма на определенной ступени его развития? Конечно нет! Не следует забывать, что количественная разница создает качественные отличия. *Хотя капитализм*

---

[1]) Как мы отметили выше, в силу цепной связи отраслей производства,—на основе определенной величины или определенного расширения потребительского рынка возможен волнообразный рост производства и транспорта. Вот почему на основе значительного потребительского рынка возможен длительный рост производства и транспорта, возможен целый ряд малых циклов развития (пример: Америка).

[2]) Жан Лескюр. «Общие и периодические промышленные кризисы» 1908 г.

[3]) Макс Вирт. «История торговых кризисов в Европе и Америке», 1877 г.

характеризуется экспансией и на других ступенях развития, но лишь при определенных условиях это количественное накопление экспансии, переходит в качество, и она становится в такой мере определяющей силой капиталистическгоо развития, что трансформирует капитализм в империализм [1]).

Каковы же эти условия?—Условия эти обстоятельно выяснены Гильфердингом, Бухариным, Лениным. Но теория накопления Розы Люксембург в ее положительной части значительно дополняет развитое ими освещение империализма, дает возможность сведения ряда условий к монистическому основанию [2]). Вместе с тем, эта теория делает бесспорным, что империализм есть действительно последний этап капитализма, что устранить империализм при сохранении капитализма невозможно. Между тем, при отрицательном отношении к этой теории накопления подобный вывод может оспариваться. Лучшим подтверждением является позиция австро-немецких социал-демократов и самого Гильфердинга по этому вопросу. Тальгеймер в своем докладе привел характерные цитаты из их статей. Освежим в нашей памяти наиболее показательные цитаты.

В апреле 1912 г. Каутский писал в «Neue Zeit»: «Эти лихорадочные вооружения имеют свои экономические причины, но они не основаны на экономической необходимости... Прекращение этих лихорадочных вооружений отнюдь нельзя считать экономически невозможным»...

На Хемницком партейтаге Бернштейн развивал следующие соображения: «Я могу многое возразить на утверждение будто то, что мы ныне требуем, т.-е. разоружение, является утопией... Это неверно... Всемирная история шла неверными путями»...

Гильфердинг в ноябре—декабре 1916 г. писал в статье «Теория катастроф»: «Свободная торговля в качестве противовеса империалистической торговой политике и самому

---

[1]) Таким образом, вопреки мнению тов. Дволайцкого, злоупотребления терминологией и неисторических рассуждений здесь нет. К сожалению Роза Люксембург не подчеркнула этого и дала тем самым повод для подобной критики.

[2]) Следует отметить, что Роза Люксембург видит корни империализма нетолько в борьбе за рынки сбыта товаров и экспорта капиталов (Т—Д), но и в борьбе за сырье и топливо (Д—Т). Это развито ею обстоятельно в 26-й главе «Накопления». См. стр. 252 и 259.

империализму становится неизбежным боевым лозунгом пролетариата»...

В январе 1922 г. Гильфердинг писал: «Капиталистическое хозяйство знает два способа увеличения прибыли: конкуренция и соглашение. По мере развития капитализма соглашение все более вытесняет конкуренцию. То же самое можно сказать о международной политике капиталистических государств... Результатом последней войны явилось образование двух могущественных центров, господствующих над всеми остальными. Вместе с тем эта война доказала всю гибельность войны. Чтобы достичь известных успехов, нужно изменить методы, на место борьбы нужно поставить соглашение»...

Мы видим, таким образом, что автор «Финансового Капитала» Гильфердинг и автор «Теории кризисов» Каутский—оба считают возможным ликвидировать империализм без ликвидации капитализма. Все это делает необходимым борьбу с ними на почве правильной теории накопления.

Стремительность в погоне за отдаленнейшими рынками сбыта и экспортом капитала т. Двolайцкий, в согласии с Бухариным, выводит из имманентного капитализму стремления к максимальной прибыли. Не невозможность приложения капиталов и сбыта товаров внутри национально-государственных границ, а более низкая норма прибыли гонит капиталы и товары все дальше от их «родины».

Если, однако, корни империализма только в этом стремлении к максимальной прибыли, то мыслимо перспективное преодоление империализма при распространении капиталистического производства в отсталых странах и исчезновении огромных различий в норме прибыли. Во всяком случае, для соглашательских мозгов открывается возможность изыскания способов борьбы с «империализмом» без уничтожения капитализма. Между тем, развитая теория накопления делает настолько ясным органическую неизбежность империализма, что выбивает почву из-под ног соглашателей.

Мы совершенно согласны, конечно, с т. Дволайцким, что при научном анализе нельзя исходить из желательности или нежелательности той или иной теории. Но поскольку мы считаем защищаемую теорию накопления

объективно верной, постольку для нас важно подчеркнуть то огромное значение, которое она имеет для анализа природы империализма.

Защищаемая нами теория накопления делает также возможным более глубокое выяснение природы милитаризма. Милитаризм следует рассматривать не только как неизбежное следствие империализма, но и как потребительский рынок [1]), играющий значительную роль в деле облегчения капиталистического накопления и предупреждения колоссального товарного перепроизводства. Спрос, который предъявляет государство по военному бюджету, является спросом потребительским, ибо как предметы питания и снаряжения солдат, так и военные суда, самолеты, орудия, ружья и т. п., употребляются совершенно непроизводительно. Между тем, в силу цепной связи отраслей народного хозяйства, всякий спрос военного ведомства вызывает волнообразное расширение производства. Таким образом, милитаризм, расширяя потребительский рынок, увеличивает возможность накопления. *Милитаризм является также средством предупреждения и уничтожения товарного перепроизводства, товарного полнокровия.* Если бы не было милитаризма, то масса товаров сильно возросла бы, и возможность частого перепроизводства и затяжных кризисов усилилась бы. Не следует, конечно, забывать, что государство черпает средство на милитаризм, главным образом, с широких народных масс и тем самым сокращает их покупательную способность, т.-е. потребительный рынок. Глубокая разница, однако, заключается в том, что военный потребительный рынок является совершенно непроизводительным, в то время как соответственные средства в руках, скажем, крестьян привели бы к росту сельского хозяйства, т.-е. к увеличению массы товаров. Даже та часть затрачиваемых на милитаризм средств, которая черпается государством посредством налогов из прибавочной стоимости, облегчает капиталистическое накопление остальной части, ибо вызываемый ею волнообразный спрос больше ее величины. Все это свидетельствует о том, что милитаризм гораздо глубже связан с природой капитализма,

---

[1]) На эту сторону милитаризма указал А. Богданов в его статье «Мировые кризисы, мирные и военные». «Летопись». 1916 г.

чем это думают австро-немецкие эпигоны, считающие возможным уничтожить милитаризм и войны без уничтожения капитализма.

Очерченное выше понимание закономерности больших циклов проливает яркий свет на дальнейшие изгибы кривой капиталистического развития. Оно дает все основания для утверждения, что мы вступили ныне во вторую часть большого цикла, характеризующуюся депрессией. Первая часть, протекавшая до 1920 г., характеризовалась интенсивным развитием производства на основе наличных рынков. Теперь мы вступаем в эпоху крайнего обострения проблемы рынка. Мировая война дала возможность Англии и Франции расширить рынок за счет разгромленной и вытесненной Германии. Это явилось одной из причин переживаемого ими подъема. Но проблема рынка тем не менее обострилась вследствие огромного роста производства в Америке, превращения Франции в промышленную страну, роста промышленности в колониях, обнищания Германии, сокращения рынка в России. Все это свидетельствует о том, что эпоха, в которую мы вступили, явится эпохой депрессии, эпохой, когда периоды подъема малых циклов будут все более краткими, периоды депрессии—продолжительными, кризисы—затяжными. Обостренная потребность в рынках будет неминуемо вызывать вооруженные столкновения в мировом масштабе. Мы вступили в эпоху «гражданских войн и битв народов». Тем самым проливается яркий свет на перспективы социальной революции!..

В. Е. Мотылев.
